

Борис
Вольфсон

КАНАТО· ХОДЕЦ

или
После
постмодерна

А л е т е й я

Борис Вольфсон

**Канатоходец, или
После постмодерна**

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Вольфсон Б. И.

Канатоходец, или После постмодерна / Б. И. Вольфсон —
«Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-168-0

В восьмую по счёту книгу поэта и математика Бориса Вольфсона «Канатоходец, или После постмодерна» вошли стихи, написанные им с августа 2018 по июль 2020 года. Автор отказался от традиционного членения книги на тематические разделы. В ней свободно чередуются разноплановые по содержанию и форме произведения, в которых, тем не менее, безошибочно узнаётся особенная авторская интонация, соединяющая в неразрывный сплав иронию и серьёзность, острое чувство современности и органическое существование в безбрежном контексте мировой культуры. Поэт неистощим в творческой игре со словом, рифмой, темами, жанрами и традициями, но она никогда не превращается у него в самоцель. Может быть, именно поэтому он не постмодернист, хотя мастерски владеет разъятием текста на составляющие, а именно «постпостмодернист» – собиратель смысла, синтезатор новой Вселенной, возникающей на обломках любви и надежды, как неизбежная победа космоса над хаосом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-168-0

© Вольфсон Б. И., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Дар сочетания	7
В тонких одеждах лирики	8
Полемическое	9
Настроение	10
«И теперь, когда я лежу на дне...»	11
«Пять-шесть оттенков и тонов, а может быть, и более...»	12
«... я думаю, что у творца вселенной...»	13
Зеркало	14
«... а поскольку трава колола лицо...»	15
«... я тебя уже почти забыл...»	16
О пророках	17
«Хотя читатели у нас довольно редки...»	18
Мой рецепт	19
Диалог	20
Памяти Александра Галича	21
Рыбалка	22
Открытие	23
Невидимка	24
Мой враг	25
Правила поведения на воде	26
Молекулы	27
Малые голландцы	28
«Никакого бурления в крови...»	30
Краткая поэма экстаза	31
«Одни летают во сне, как шарики...»	32
Версия	33
Наш вклад	34
Неформатный сонет	35
Милитаристический сонет	36
Наше болото	37
Нарушитель закона	38
Декадентское	39
Предзимье	40
Лодка	41
Баратынский	42
У воды	43
Океан	44
Мои капричос	45
Лучшее применение	46
Ритуалы	47
Может быть	48
Только в нашем цирке	49
«А теперь зачехли окуляры Цейса...»	50
Рифма	51
Алхимик	52
Имена	53

Взгляд	54
Ну и какое же оно?	55
Руководство к действию	56
Как бочка	57
Время сурка	58
«Стихи и астрономия –...»	59
Со стороны	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Борис Вольфсон
Канатоходец, или После постмодерна

Посвящаю моей жене Марине

Дар сочетания

Канатоходец – это риск, но и расчёт. Это непреложное умение, но и спасительная импровизация. Это упорное движение вперёд, но и постоянный контроль равновесия. Это завидный дар сочетания того, что к единению не склонно. Сия миссия сопряжена с катастрофическими неприятностями. И автор прекрасно о том знает, мужественно принимает угрозы и не отменяет задуманного. А когда поэт, успешно балансирующий на лукавой грани тяжеловесной старомодности и тривиальной доверительности, обретает редкую афористичность и горькую пронзительность – да ещё и отважно улыбается почтенной публике – та обречена любоваться...

Творческая дистанция, отображённая автором на страницах этой книги, невелика. Чуть более полутора лет. Но краткость её с лихвой компенсируется неистощимостью сочинительского потенциала, широтой поэтического диапазона, художественной плотностью представленных стихов. Поэт не страшится выводить читателя на всё новые и новые рубежи – жанровые, исторические, национально-культурные. Левиафан и Лаокоон, Баратынский и Эмили Дикинсон, Галич и Кукин... Искушённый в естественных науках сочинитель не стесняется сопоставлять литературные опыты с точными знаниями. Эратосфен и Перельман присутствуют здесь как собеседники на пиру... И в этом манкий отблеск авторской свободы.

И всё же – несмотря на чрезвычайную насыщенность книги сегодняшними и вчерашними реалиями – в качестве эпиграфа к ней я бы выбрал строку из предфинального стихотворения: «Сухою коркой времени едва ли будешь сыт...». Ведь именно это ощущение и заставляет автора неудержимо идти по коварному канату стихосложения от нынешних твердынь туда, где дальний конец его закреплён Богом.

*Сергей Попов,
поэт,
доктор медицинских наук.*

В тонких одеждах лирики

Ко мне попала книжка Бориса Вольфсона.

В важном смысле – это просто книжка моей мечты.

Это само здравомыслие в тонких одеждах лирики. В общем-то такой стих – это король русской поэзии. Не твёрдая старонемецкая сказочность, не нежные рулады французской строфы, не английский прохладный романтизм, а вот именно российская грустная здравость победила в долгом марафоне лет из двухсот. Победа, конечно, состоялась в рамках русской литературной речи.

Многие пишущие знают это, да не многие практикуют.

Вероятно, поэзия, измученная комплексами второй половины 20 века, столь отклонилась в сторону усмешки, массивной цитаты и самоуничужения, что нормативный правильный стих сделался явлением чуть ли не музейным.

Тут, в стихах Бориса Вольфсона, найдётся многое для разума и чувства читателя. Найдутся и не расхожие рифмы. И дуэт «фантазия-евразия».

Потом «малые голландцы» – это удача, и образ, и схема, и то самое – неназойливая зоркость. Нерифмованное «я охраняю твоё парение» в своей простоте – выдающийся стих.

Отличные строчки о «личной рифме» встречаешь как свои собственные.

«Нет больше пастернаковской свечи» – хмуро перечитываешь, потому что грустная максима эта обрамлена небанальным стихом.

А потом я увидела то, что ценю особо.

Литературность внутри. То, что когда-то запрещали строго-настрого редакторы, уж так это раздражало.

Антигона и гриновская Бегущая. Мотивы Эмили Дикинсон и внезапно «бродская игра». Потерянная перчатка, вознесенская или шиллеровская.

Внутри стиха частенько располагается драматургия, небольшой сценарий поворачивается гранями. Воспоминание об однокласснице – образец такого стиха-3D.

Какая хорошая свежая книжка попала мне, будто невзначай.

Как я ценю обыденность, которую пристально разглядывает поэт.

Какая застенчивая нежность видна за будничными деталями.

Какая неутомимость рассматривает мир глазами того, кто занят стихами при любой погоде.

При любой.

Оттого что занят.

Эта симпатичная занятость наполняет книжку Бориса Вольфсона, ростовского поэта.

Желаю стихам найти читателя.

Неравнодушному сердцу – обнаружить новую книжку, разобраться отчего она зовётся «Канатоходец».

Вероника Долина,

поэт,

музыкант

Полемическое

Блажен, кто сей оставил мир,
когда минуты роковые
ещё грядут и всеблагие
ещё готовят грозный пир.

Пусть, невысоких зрелищ зритель,
он не узнает никогда,
что надвигается беда
и сгинет тихая обитель.

Он благ, он прожил без затей
и пропустил богов пирушку,
отдав другим сию игрушку.
Жизнь удалась. Но жаль детей.

Настроение

То ли проседь, то ли просинь
в груди облачных мехов –
антиболдинская осень,
и уже не до стихов.

Потому что в этом хламе
нет особенных примет,
чтобы выразить стихами, –
и нужды особой нет.

Сей товар никто не спросит:
даже в пору дешевизн
не котируется проседь –
то ли осень, то ли жизнь.

Ускользают слов обмылки,
всё здесь хмуро и старо,
и река несёт бутылки
из-под летнего ситро.

«И теперь, когда я лежу на дне...»

И теперь, когда я лежу на дне
и не помню, куда я плыл,
и не знаю, зачем было нужно мне
плыть куда-то, а знал – забыл...

И когда ракушками весь оброс,
сломан киль, протаранен борт, –
сам себе корабль, сам себе матрос,
жду команды вернуться в порт.

Но ко мне на дно только тусклый свет
пробивается сквозь слюду...
Жду команды которую сотню лет,
но, как видно, напрасно жду.

Я уже привык и сроднился с дном,
я, как в сон, погружаюсь в ил...
В трюме бочки с золотом и вином –
для кого я их сохранил?

«Пять-шесть оттенков и тонов, а может быть, и более...»

Пять-шесть оттенков и тонов, а может быть, и более
поэт успешно разместил на площади стишка,
но был, как видно, удручён своею серой долею
и сверху пыли толстый слой насыпал из мешка.

Поэт был мастер, он владел умением и смелостью
по полю минному идти, касаться острых тем.
Но трудно было разобрать за общей пыльной серостью,
какие краски там внизу и, главное, зачем.

Разнообразные цвета кому угодно глянутся,
вот только нужно подождать, покуда грянет гром,
а прежде молния сверкнёт, и облака подтянутся,
и дождь прольётся на стишок, смывая монохром.

Какие краски заблестят, освобожденье празднуя,
какая радуга взойдёт, как вспыхнет окоём,
и роща зашумит листвой, лиловая и красная,
и улыбнётся наш поэт, проговорив «Живём!»

Поэт, оттаявший душой, порадует читателя,
как превосходный колорист, он станет знаменит
и соберёт цветов букет он без миноискателя,
но всё же пыльный свой мешок в чулане сохранит.

«... я думаю, что у творца вселенной...»

... я думаю, что у творца вселенной,
которую он строит, как дворец,
есть, вероятно, собственный творец –
не бог, а человек вдохновенный –

поэт, философ, демиург идей,
на мир глядящий пристально и строго, –
ему никак не обойтись без бога,
как, собственно, и богу без людей...

Зеркало

Кто-то дёргает невидимую нить –
и тотчас же вслед за мною отраженье
повторяет за стеклом моё движенье,
будто пробует меня передразнить.

А ему, быть может, кажется, что мной
управляет кто-то, дёргая за нитки,
чтобы я передразнил его попытки
насладиться застекольной новизной.

И следя за удвоением гримас,
разделяет и соединяет нас
пред- и за- и просто хрупкое зеркальце,

как врагов, не ждущих спаса на крови,
как любовников, забывших о любви,
разрезая на два зыбкой вертикалью.

«... а поскольку трава колола лицо...»

... а поскольку трава колола лицо,
некто, лёжа в траве ничком,
понимал, что жив ещё, что кольцо
не замкнулось, и что смычком

где-то рядом кузнечик врезает марш,
но не траурный, а живой,
и из дыр в бортах поднебесных барж
свет мерцает над головой

впережку с дождиком; быстрых стрел,
щекотавших затылок, он
позабыть не мог, но давно смотрел
вниз, на землю, на рыжий склон;

зарываясь в травный дурман и бред
и твердя, что ещё живой,
ощущал свою маловатость пред
этим склоном, дождём, травой;

и решившись жить, но поняв, что весь
он давно уже врос в откос,
принимал дождя и мерцанья взвесь
как спасительнейший наркоз...

«... я тебя уже почти забыл...»

... я тебя уже почти забыл,
я почти не чувствую потери,
я уже почти освободился
от своей любви неразделённой.

Но сегодня в магазине мелочь
я рассыпал и внезапно вспомнил,
как когда-то вместе собирали
мы с тобою медные монетки,
выпавшие из дырявой сумки,
и невольно пальцами касались,
белыми от пыли, – это было
только раз, но это было счастьем –
полным, без каких-либо почти...

О пророках

*Пророков нет в отечестве своём,
но и в чужих отечествах – не густо!*

В. Высоцкий

Пророков нет – известный афоризм!
Ну, может быть, у диких алеутов
живут они без видимых харизм
и прочих всем заметных атрибутов.

А мы освободились от оков,
чтоб вновь попасть в компьютерные сети.
Пророки есть, но общий шум таков,
что их расслышать могут только дети.

Они не делят мир на Ты и Я,
они во сне смеются и летают.
Известны детям тайны бытия,
но лишь пока они не вырастают.

А после, после слышимость не та,
и видимость, и просто нет желанья,
и время отнимает суета,
и непонятны древние камлания.

Следит пророк, вселенной делегат,
горюя о всезнанье одиноком,
как мы бредём на ощупь, наугад, –
а будущее смотрит грозным оком.

«Хотя читатели у нас довольно редки...»

Хотя читатели у нас довольно редки,
у самых шустрых чуть побольше, но не очень,
мы все щебечем, как воробышки на ветке,
топорщим пёрышки и крыльями хлопочем.

Понятно, в общем-то, что дело не в нахрапе
и не в усердии, когда среда как вата.
Мы след оставим – у прохожего на шляпе,
но кто конкретно – разобраться трудновато.

Мой рецепт

К Международному дню психического здоровья

Спокойствия психического ради,
к ментальному не склонный неглиже,
лежу себе, как слива в маринаде,
и никого не трогаю уже.

Я облетел, как лист увядший с клёна,
валяюсь под, хотя умею над,
стал синим, был в пупырьках и зелёный,
но, главное, удачный маринад.

В условиях тотального заката
я защищён, мне крепко повезло,
что здесь со мной надёжные ребята, –
нас в этой банке ровно полкило!

Диалог

Я говорю: – Повсюду ложь!
Он говорит: – Фантазия!
Я говорю: – Бесстыдство сплошь!
Он говорит: – Евразия!

А я: – При чём тут континент?
Плевать на территорию!
А он: – Взгляни на контингент
и не забудь историю!

А я опять про море лжи,
в котором тонет истина!
А он: – За эти рубежи
нам выплывать бессмысленно!

Пора бы снюхаться с жульём,
нас не отдавшим Западу:
оно своё, мы здесь живём,
приноровившись к запаху.

Своё – в Ростове и в Уфе, –
далась нам та Европа ли! –
как рыбки плаваем – в ухе,
покуда нас не слопали!

Памяти Александра Галича

Был не в себе, теперь, отбой трубя,
не унесённый – принесённый ветром,
ушёл, что называется, в себя,
из экстра- стал типичным интровертом.

Окуклился, хотя не шелкопряд
и ценной нити из меня не скрутишь.
Но, чтобы не скрутил меня наряд,
в кармане прячу свой заветный кукиш.

Я у костра сажу на берегу,
но аккуратно – сам не возгораюсь,
другие в крик, я – цыц и ни гу-гу,

и в драку лезть ни с кем не собираюсь,
и из себя не выходить стараюсь,
но чувствую, что больше не могу!

Рыбалка

Может, я не готов пока
или просто клюю не так,
но срываюсь опять с крючка, –
ты прости меня, мой рыбак.

Знаю я, ты пришёл за мной.
Принимая игру твою,
я прельститься хочу блесной,
но, как видно, не так клюю.

Ты прости, что опять в сачке
мелочь – корм для твоих котов.
Я б и рад висеть на крючке,
просто, видимо, не готов.

А в реке тишина и мрак,
над рекою – июльский зной.
Из-под груды речных коряг
я люблюсь твоей блесной.

Открытие

Величина случайная, бреду
среди стволов, древесных единиц,
в лесу, арифметическом ряду,
по выцветшей поверхности страниц.

Я заблудился, спутал все следы,
и формулы забыл, и потерял
ориентир, но в небе из слюды
бликует мой расчётный матерьял.

И я считаю звёзды и с трудом
тропинку, занесённую листвой,
нащупываю, чтоб вернуться в дом
по эху на дорожке цифровой.

Я отыщу решенье, «горячо» –
шепнёт мне кто-то в книжный мой загон –
про лес и смысл творенья, а ещё
про звёзды и про нравственный закон.

Пускай они пока ещё чисты,
но формула топорщится в мозгу, –
шуршат, шуршат опавшие листья, –
я записать ответ на них смогу.

Невидимка

И поскольку я невидимка,
то в прямых и кривых зеркалах,
отражаясь, не отражаюсь, –
в равной мере не при делах.

И поскольку тугой мощною
я похвастаться не могу,
прохожу насквозь, как нейтрино,
через всех, перед кем в долгу.

И поскольку мной позабыты
звуки, запахи, имена,
в том, что я и тебя не помню,
так и знай – не твоя вина.

Слабым шорохом затихая
на границе небытия,
кто я – слово? Скорее – буква,
будто выдох последний – Я.

Или первый – иною явью
и началом иного сна –
буква нового алфавита,
что не мной произнесена.

Мой враг

Я не прошусь из грязи и в князя:
судьба моя мне, в общем, дорога,
и мне даны хорошие друзья,
но я хочу хорошего врага.

Я знаю, жизнь опасна, как debil,
который, хмурясь, точит свой кинжал.
А я хочу врага, чтоб не убил,
но непрерывно в тонусе держал.

Хочу, чтоб расслабляться не давал,
тревожил наяву и в страшном сне,
чтоб с ним себя я часто рифмовал
и знал, что он нуждается во мне.

И если друг обманет – не беда:
с моим врагом мы не разлей вода!

Правила поведения на воде

Мы не тонем и не оседаем на дне,
как чайники, устав от слепого кружения.
Мы повисли с тобой на пологой волне
под влияньем поверхностного натяжения.

О безумных страстях, что кипят в глубине,
и снастях, что натянуты всюду для верности,
ты не знаешь, и ведать бессмысленно мне
до тех пор, пока плёнка крепка на поверхности.

Тут важнее всего не сорваться в пике,
лишней воли не дать ни ноге, ни руке,
не жалеть, что стреручен судьбой и стреножен,

быть поверхностным и не глядеть в глубину,
не барахтаться с криком «Спасите, тону!», –
может, так на волне удержаться и сможем!

Молекулы

Мы летим, в нарушение приказа,
по прямой, где на схеме подкова, –
невидимки, молекулы газа –
не имеет значенья, какого.

Мы летим, удаляясь беспечно
друг от друга, надеясь, что как-то
наши чувства сумеем сберечь, но
это трудно с потерей контакта.

Оставаясь собой, отставая
от себя, находя и теряя,
мы летим в пустоте, остывая,
брызги молекулярного рая.

И себя сберегая от сглаза,
не узнаем друг друга при встрече,
невидимки, молекулы газа,
части так и не сказанной речи.

Малые голландцы

Эти малые голландцы
были парни хоть куда!
Покупали иностранцы
их картинки иногда.

Впрочем, главный покупатель,
деньги прятавший в кисет,
был голландский обыватель
и художника сосед.

Натюрморты и пейзажи,
и быка пресветлый лик
создавались для продажи,
но доход был невелик.

И художник захудалый
пропивал деньжищи те.
Даже Рембрандт, хоть не малый,
тоже умер в нищете.

Нарушитель норм и правил
аскетических времён,
только Рубенс, Питер Пауль,
был при жизни оценён.

Рама в пышной позолоте,
дама в белом на коне, –
много света, много плоти,
много гульденов в кошле.

А у малых – служба быта
и палитра их скромна.
Но эпоха не забыта,
ими и сохранена.

Запах сыра и ванили,
акварелька и эстамп...
Вас потомки оценили –
Клас, Порселлис, Аверкамп.

Вы прогнать смогли невежду,
защитили свой редут,
подарив и нам надежду,
что труды не пропадут.

Как вино и простокваша –
незатейлив ваш магнит...
А Хохловкина Наташа¹
нам детали объяснит.

¹ Хохловкина Наталья – искусствовед, специалист по творчеству малых голландцев.

«Никакого бурления в крови...»

Никакого бурления в крови,
никакой межсезонной отравы
и предчувствия то ли любви,
то ли – что там рифмуется? – славы.

А в реке обмелевшей сомы
развернули носы на восток и...
Если не было вовсе зимы,
то какие весенние стоки?

Куртку сняв, щеголяю в плаще,
да и он пригодится едва ли.
Перелётные птицы вообще
никуда ещё не улетали.

В атмосфере скопился СО,
угрожает неведомый вирус,
и не радует нас ничего –
даже чипсы и пиво на вынос.

Но растёт пресловутый колóсс –
руки-крюки и ноги из глины, –
новый мир себя строит с колёс,
и кочуют на север пингвины.

Краткая поэма экстаза

Как видно, скоро ум зайдёт за разум,
но до того, как прозвучит отбой,
накроет нас не тазом, а экстазом,
таким же бывшим, как и мы с тобой.

Дырявым, бывшим, плесенью покрытым,
утратившим плескательный рефлекс...
А может быть, не тазом, а корытом,
с такою же приставкой краткой «экс».

Слой пыли, как присыпка из ванили
или дешёвый бесполезный грим...
Но мы зачем-то таз свой сохранили –
быть может, просто, чтоб накрыться им.

В безумной ностальгической надежде,
под стуки не костей, а кастаньет,
накрыться тем, чем дорожили прежде,
и в дырки наблюдать парад планет.

«Одни летают во сне, как шарики...»

Одни летают во сне, как шарики,
другие реют, как буревестники.
Одни накачаны тёплым воздухом,
другие – только холодным умыслом.

А я летаю во сне, наполненный
твоей любовью, и вижу, милая:
на лёгких крыльях паришь ты рядышком, –
я охраняю твоё парение.

Такие сны продолженья требуют –
я просыпаюсь без опасения,
что наяву наш полёт закончится:
кто научился – тот не разучится!

Версия

Плывёт по воле волн
в Реке Вре́мён, как пленный
галерный раб, забросивший весло.
И дела нет до нас

Создателю Вселенной.
Нам в этом повезло!
Не спрашивает нас:
– А вы-то кто такие?

Зачем чудите? Стоп!..
Когда в последний раз
Он вник в дела мирские,
то был Потоп!

Наш вклад

К столетию завершения Первой мировой войны

Никто, увы, не сможет нам помочь, –
мы влипли, и история не детская:
сперва Варфоломеевская ночь,
а ей на смену утром казнь стрелецкая.

Монгольской стрелой сбиты влёт,
не в небо – в землю будет новый град расти.
А что ушли псы-рыцари под лёд,
так в этом тоже нет особой радости.

Веками длится сей парад-алле:
не угодив друг другу цветом кожи ли,
иною верой, спором о земле,
как странно, что до сей поры мы дожили.

Исчезнем, как бездарный паразит,
который вслед кричит себе: – Гуляй ещё! –
а росту энтропии не грозит,
как саморазрушенья управляющий.

Сойдём, как плесень, чтобы цикл иной
свершиться мог, как новый акт творения.
А мы в него придём как перегной
и топливо для лучшего горения.

Неформатный сонет

Я просто устарел, как буква «ер»,
со свистом пролетаю мимо цели,
в формат не попадаю и в размер,
поскольку и не в духе, и не в теле.

Я был готов, как юный пионер,
я плыл, успешно огибая мели, –
по щучьему веленью, на манер
печи не покидавшего Емели.

Ну что же, говорю себе, не ной, –
сменилась орфография, иной
формат у современного искусства.

Нет больше пастернаковской свечи,
но свято место не бывает пусто,
хотя никто не ездит на печи.

Милитаристический сонет

Экраны теле нам дают сполна
иллюзию прямого вовлеченья.
Дух возвышая, дарит развлеченье
такая виртуальная война.

Конечно, показать могли б ученья –
там тоже танки, выстрелы, – страна
и это любит, но когда война,
приходит настоящее сплоченье.

Как некогда, едины и сильны,
империи ржавеющей сыны,
мы, улетаю за мечтой манящей,

чтоб супостату злему насолить,
войну по теле рады запалить.
Но как бы не дошло до настоящей!

Наше болото

Покой и стабильность – зелёная тина
да звон комариный – кулик-патриот,
ничуть не смущаясь, что из карантина,
родимым болотам осанну поёт.

А воздух свободы, товар санкционный,
как столб на границе, стоит недвижим,
не смея нарушить наш не порционный,
но и не вполне санаторный режим.

С закатного солнца сойдёт позолота,
а мы выбираем покой и уют.
Кулик, запевая, похвалит болото,
и хором лягушки ему подпоют.

Болотная гладь не нарушится встряской,
все звуки туман поглощает сырой.
И только брожение – где-то под ряской –
даёт себя знать пузырями порой.

Нарушитель закона

Жизнь состоит из разочарований.
Но всё же, чтобы разочароваться,
я должен быть сначала очарован.

А это значит, так как жизнь конечна,
что, очарован будучи, однажды
могу я роковую цепь событий
прервать, нарушив парности закон.

Я был бы рад подобному раскладу.
Пусть впаду я снова в заблуждение,
но, если повезёт, могу об этом

и не узнать, финальный матч с судьбой
считать победным, мяч забив в ворота
и не успев ответный пропустить.

Декадентское

Она говорила: – Нам лучше расстаться,
бессмысленно длить эту сладкую муку.
Когда отменить невозможно разлуку,
не проще ль с любовью скорей расквитаться?

А он отвечал: – Эта сладость слиянья,
пусть болью, но всё же останется с нами.
Мгновенье, продлившись и став временами,
вовек не утратит былого сиянья.

А после друг друга они не встречали.
Он тут же догадывался об ошибке,
когда не её узнавал по улыбке,
точнее по отблеску тихой печали

в глазах, а порой ему чудилось платье,
он вздрагивал, голос услышав в трамвае,
и вновь сознавал невозможность объятья,
ни боли, ни сладости не забывая.

Предзимье

Слякоть, но местами лёг снежок,
прикрывая выбоины в плитке.
Мне б найти какой-то затишок,
мне б забиться в домик, как улитке.

Вход законопатить, чтоб сквозняк
дом мой не выстуживал, и сырость
не пересекала строгий знак
«Стоп» и на ночёвку не просилась.

Чтоб не видеть мелочной возни
и не слышать клацанья затворов
и чтоб о политике – ни-ни –
никаких досужих разговоров.

Снег с дождём – в окно летит заряд, –
ночь не принимает апелляций.
Но не зря в народе говорят,
что планета будет накаляться.

Верю я, что завершив дела,
холод отползёт подобно змею,
и пускай хоть чуточку тепла
я дождаться всё-таки сумею.

Лодка

Памяти Сергея Петкова

Лодка моя – завиток на бумаге,
мушка, в янтарной застывшая влаге,
звук угасанья гитарной струны,
штиль и безвольно повисшие флаги
песен моих не узнавшей страны.

Лодка – моя предзакатная дымка,
смазанный росчерк случайного снимка,
след безнадежной слезы на щеке,
в вечности канувшая анонимка,
рыбка, оставленная на крючке.

Берег не виден, расчёт на везенье,
лодка – мой призрачный шанс на спасенье,
надо бы вычерпать воду, хотя
нечем и незачем, – дарит забвенье
море, качая меня, как дитя.

Тихо, как в сон, погружаюсь под воду
и изменяю дыханья природу,
лодка уже над моей головой,
парус, впитавший вечернюю соду,
сном на верёвке висит бельевой.

Баратынский

Я как перо, потерянное стаей,
годящееся только для игры,
и стебель, что, сквозь камни прорастая,
готов творить зелёные миры.

Я краткий миг и бесконечный поиск,
я исчезаю раньше, чем возник.
Я всё-таки успел на скорый поезд,
хотя не факт, что пустит проводник.

Я колесо – но вовсе не фортуны,
я грязь и брызги из-под колеса,
вибрирую, как сорванные струны
дождя, что ловит лесополоса.

Я серых туч угрюмое свечение
и радужная плёнка на воде.
И бесполезно спрашивать, зачем я
рассыпался повсюду и нигде.

– Мой дар убог, и голос мой негромок, –
мои слова, рождённые не мной.
Я лишь чужой метафоры обломок
или осколок рифмы составной.

Ни славы не снискал себе, ни денег,
а сделал ли хоть что-то для страны,
поймёт потомок или современник,
глядящий на меня со стороны.

У ВОДЫ

Тебя у воды вспоминаю босую,
такой, как тогда отражала река, и
по памяти щепкой портрет твой рисую,
но долгую линию не замыкаю.

Шлепки о песок, и шуршанье, и лепет,
и даже как будто негромкие плачи...
Волна, набегая, и чертит, и лепит,
и тут же смывает и строит иначе.

А жёлтый песок и зелёные нити –
лишь фон для мистерии; яркие блики,
прозрачные тени и мячик в зените –
страстей, охлаждённых волною, улики.

Вины за собою признать не желая,
бреду одиноко вдоль кромки приборя.
И рядом волна шелестит, как живая,
как та, что недавно прощалась с тобою.

Я шёл по песку, я берёг свои брюки,
а ты – босиком и походкой небрежной,
с волною, как с символом скорой разлуки,
играя беспечно на ленте прибрежной.

Теперь твой маршрут повторяют стрекозы,
меняя в полёте структуру и моду,
и пчёлы, пополнив запасы глюкозы,
гудят ради звука; на чистую воду,

фасеточных глаз своих не отрывая,
выводят меня и с искусством жокея
седлают эфир, и змеится кривая,
которую щепкой черчу на песке я.

Океан

Рвал ураган канаты в клочья,
тянулись чайки на шпагат,
и волн косматых стая волчья
гнала на скалы наш фрегат.

И как фигляр, меняя лики,
от непрерывной качки пьян,
гремел не Тихий и Великий,
а Окаянный океан.

В морской болезни и боязни
не завершить свои труды,
корабль отдавался плазме
у скал вскипающей воды.

Но жертвой гибельных традиций
нам стать, как видно, суждено –
почти у берега разбиться
и лечь обломками на дно,

чтоб шторм сменился постоянством,
погасла горькая звезда,
и с океанским окаянством
мы распростились навсегда.

Мои капричос

Сон разума рождает чудовищ.
Франсиско Гойя

Я плохо сплю. Сон разума недолог.
Восстановив контроль над подсознанием,
чудовищам, живущим в нём, родиться
сознание не даёт. Мои капричос,
бумаги не достигшие, в мозгу,
как в клетке, остаются – и рычат,
и мечутся, и рвут его когтями,
и полыхают жёлтым и лиловым...
Я говорю: «мигрень», – и сон зову,
как Гойя, чтоб позволить наконец
чудовищам мой мозг больной покинуть,
родиться и, оформившись в слова,
зажить своею собственной жизнью,
меня освободив – пусть ненадолго.
Надолго я и сам бы не хотел...

Лучшее применение

Я заметил, что не слишком ценит шутки мой читатель
потому что принимает всё за чистую монету.
А уж я их штукатурую, отыскав в чулане шпатель,
и раскрашиваю ярко, чтоб потрафить интернету.

Но один солидный дядя мне сказал в сердцах однажды,
что ирония – как выдох, а поэт хорош на вдохе.
Если лирикой не может утолить он нашей жажды,
пусть в коробке засыхают иронические блохи.

Видно, злоупотребляя непрямой своею речью,
я читателя запутал, с панталыку сбил и с толку.
Мной читатель изувечен, и, кляня своё увечье,
будет прав, коль книжку эту не поставит он на полку.

Времена теперь такие, что не терпят проволочки, –
сам понять не успеваю, что там в рифму я буровлю.
Лучше, выдрав все страницы, наvertеть из них кулёчки,
сумку семечек нажарить и открыть с утра торговлю.

Вот тогда-то наконец-то кто-то мой сарказм оценит:
развернув кулёк, разгладит и, с ухмылкой лихою,
декламировать возьмётся эти вирши, как на сцене,
и не сразу в урну бросит, а наполнив шелухою.

Ритуалы

Быть атеистом нынче неприлично!
Не то чтоб это было под запретом,
но всё же, согласитесь, вызывает
сомнение: лоялен ли субъект?

Его ведь, по большому счёту, верить
никто не заставляет, но креститься
и говорить «Христос воскрес!» он должен
и отвечать «Воистину воскрес!».

Коль ты живёшь в России, ритуалы
ты должен соблюдать, чтоб добрых граждан
не оскорблять своей неверной верой
или её отсутствием. Хотя

никто к тебе пока не лезет в душу –
причём «пока» здесь ключевое слово.
Поэтому не верь, но притворяйся –
и можешь жить спокойно. До поры.

Всего-то дел: крестись тремя перстами,
а коль военный, то носи фуражку
и, козыряя, знай, что честь ты отдал, –
её, возможно, кто-то подберёт.

Может быть

...ни истории нет у меня, ни мистерии,
нет ни тела, ни животворящего духа,
ни бездонной дыры, ни беззвёздной материи,
не могу отозваться ни звонко, ни глухо
и не знаю ни сна, ни бессонного бдения, –
я подушка – без наволочки и без пуха, –
но на мне засыпает порой Провидение,
может быть ...

Только в нашем цирке

Не вступая с Провиденьем в прения,
чтоб никто не потерял лица,
цирковой лошадкой на арене я
бегаю по кругу без конца.

Замысел Его похож на вымысел,
Промысел сторгован за рубли.
В сани я свои, да только мимо сел,
а потом и вовсе запрягли.

У меня вопросы по ведению,
в гриве ленты, а на лбу плюмаж.
Я как привиденье Провидению
говорю: – Прицелься и промажь!

Лучше, примеряя чепчик плисовый
по примеру чеховских сестёр,
распорядок действий не расписывай,
всё равно напутает актёр.

Ты вздыхаешь, чай, не о корыте ли?
Медленней – читаю по губам.
И ещё вопрос: – А кто же зрители?
Для кого весь этот балаган?

«А теперь зачехли окуляры Цейса...»

А теперь зачехли окуляры Цейса:
то, что ты разглядел, – миражи и ложь, –
и отставь ружьё, во врага не целься:
всё равно в себя попадёшь.

Самолётик выкрой из газеты
с описанием гибельного пике.
Не жалей, что слова подобрал не все ты:
всех, что надо, нет в языке.

Мысль шуршит в мозгу, будтомышь в подвале,
но не просит крошек с твоей руки.
А понять друг друга уже едва ли
вы смогли бы – так далеки.

Так что боль уйми и начни сначала,
в воду брось ключи, а не горсть монет, –
уплывай, забыв даже вид причала,
зная, что возвращенья нет.

Рифма

Мне кажется, должна быть рифма личной,
хотя бы даже старой и затёртой,
но именно в твоём стихе не лишней, –
иначе стоит обойтись без рифмы.

Ну да, без рифмы, а порой – без метра:
его нарушив, я учусь дыханью
свободному у – что там в рифму? – ветра
или – без всякой рифмы – просто жизни.

У жизни, у её многоголосья,
у детворы, ликующей на горке,
учусь скрипеть, как санные полозья,
или галдеть, как воробьи и галки.

Но, принимая рифму на поруки,
я не готов предать её забвенью:
стихи без рифм и ритма не упруги
и рыхловаты – могут развалиться,

как снежные размокшие кулёмы.
А я лопаткой рифмы их трамбую
и воздвигаю прочные хоромы, –
но рифму выбираю не любую.

Нужна мне рифма личная, родная,
такая, чтоб фонариком горела
в конце строки, кричащая: «Одна я!
Возьми, я для тебя не устарела!»

АЛХИМИК

Погода, как всегда под Новый год, ни к чёрту:
дождь переходит в снег, а слякоть – в скользоту.
Но я не подвожу, добавив смог в реторту,
алхимии своей финальную черту.

В пульсирующей мгле не позабыл про цель я
и что эксперимент ещё не завершён.
Я на двоих делю густеющее зелье –
замешанный с утра магический крюшон.

Он в меру охлаждён, но обжигает душу,
и в меру ядовит, но нежен аромат.
Я ложкой в нём ловлю то ананас, то грушу,
чтоб, выпив, закусить сей несмертельный яд.

Прошу тебя, допей бокал свой, не робея,
без тоста – просто так, ведь мы давно свои, –
чтоб ты смогла сильней, а я – чуть-чуть слабее, –
и, значит, наконец сравнялись мы в любви.

Отравлены – слегка, но, вырвавшись из плена,
мы выправить смогли наш перенедолёт...
Мы живы, мы нашли друг друга во вселенной,
где мокрый снег пуржит, и дразнит гололёд.

Имена

Кто ты – Клио или Таис?
Кто я – Сет или Абросим?
Молча пальцами касаясь,
даже имени не спросим.

Жизнь прошла, иссякла квота, –
как понять теперь, не зря ли?
В напряженье поворота
мы друг друга потеряли.

Но воскресла нить живая
в древних зарослях растений.
Там, про время забывая,
мы с тобой скользим, как тени.

Облака меняют лики,
и ветшают пирамиды.
Отражаемые блики
от меня как дар прими ты.

Будто свет во тьме колодца,
не смиряясь с расставаньем,
пусть навеки остаётся
нежность радужным сияньем.

В тот же час на том же месте
пусть возникнет жизнь иная,
где мы снова будем вместе,
имена припоминая.

Взгляд

Как неизбежность поражения,
а в сущности такая малость –
взгляд, требующий продолженья
того, что и не начиналось.

От бесполезности сближенья
защита, ласковая шалость –
взгляд, требующий продолженья
того, что и не начиналось.

Взгляд, только взгляд, прикосновенья
не ищущий и не просящий,
врасплох, на грани откровенья,
как дождик, тихо морозящий.

Потерянный и непохожий,
по капле мёда или яда,
ответный взгляд, как след на коже
от ускользающего взгляда.

Ну и какое же оно?

Оно бывает разным,
но линейным –
нет, никогда!..
Я говорю про время.

С чего вы взяли, что оно такое?
Придумали стрелу, какой-то вектор,
прямую начертили по линейке
и циркулем разметили отрезки,
на равных расстояниях расставив
ряд целых чисел?

Лучше бы спросили
у физиков, поэтов и влюблённых,
у пьяных, у спасающихся бегством
или у тех, кто их догнать хотел бы,
или у тех, кто долго писем ждёт...

А впрочем, ярче, чем Эйнштейн с Петраркой
или беглец и пьяный забулдыга,
вам нелинейность времени сумеет
продемонстрировать киномеханик,
прокручивая раз за разом плёнку
на разных скоростях.

Он, как хозяин,
умеет управлять стихией этой –
растягивать и ускорять процессы,
и даже останавливать мгновенья,
и даже обращать движенье вспять...

Но всё же я советую не слишком
в прошедшие эпохи углубляться,
а то нарвётесь там на Парменида,
а он вам объяснит, что время – это
иллюзия, что нет его, – и будет,
конечно, прав.

Я сам давно заметил,
что времени фатально не хватает
на всё, на всех – и с этой проблемой,
которая сложнее, чем нелинейность
или линейность времени, пока что
я разобраться так и не сумел...

Руководство к действию

Я всем советую: не балуйтесь стихами, –
не то чтоб времени пустая это трата,
но вы в стихах себя сдадите с потрохами,
а дальше – дальше неременная расплата.

И душу глупо выворачивать до хруста:
эксперимент такой лишь только с виду крут, но
игра закончится на камне «пусто-пусто»,
да и вправлять потом суставы будет трудно.

Я понимаю, что легко все тайны выдам,
и не под пыткой – сам, как будто плюнул-дунул.
Но странно жить литературным инвалидом
внутри реальности, которую придумал.

А в подлой подлинности, той, где я стократно
на воду дул, свести пытался дебет-кредит,
коль повезёт, меня прочтут, поняв превратно,
ну а всего скорее, просто не заметят.

Я всем советую: смотрите, некий стоик
себя расплёскивать не стал, пронёс сурово, –
вот идеал; с меня же брать пример не стоит
и верить в каждое – включая это – слово.

Как бочка

А мне она напоминает бочку,
наполненную пивом под завязку, –
солидную, надёжную, большую,
скреплённую стальными обручами,
с заклёпками, с дубовой затычкой
и крышкой, несменяемой вовек.

Ну да, она прочна и герметична,
поскольку доски гнули и морили,
потом выстраивали по ранжиру,
сколачивали вместе молотками
и, обручами укрепив снаружи,
чтоб не рассохлась, пиво лили внутрь.

Но обручи снимать с неё не пробуй:
она тотчас развалится; свобода
ей противопоказана, поскольку
нет скреп иных у бочки, – и не смей
вытаскивать дубовую затычку,
чтоб пиво, не дай бог, не разлилось.

Время сурка

Срываю с райской ветки ананас –
сок по усам течёт, минуя рот.
Но есть ли дело Господу до нас?
Надеемся! А вдруг наоборот?

А вдруг ни Бога нет, ни дела нет
до наших виршей в мире никому?
Нас знает лишь безликий интернет,
хотя мы безразличны и ему.

Стих не прочитан, шутка не смешна,
ирония обидна, а минор
вгоняет всех в депрессию, она
суркам мешает вылезать из нор.

Вороне послан плавленный сырок,
лисице ж не досталось ни куска.
Который день сидит в норе сурок –
всё тот же день – ужасная тоска.

Зверёк сей – предсказатель-ветеран, –
но в День сурка не хочет нам помочь.
Эй, вы, миноритории всех стран,
порадуйтесь хотя бы, что не в ночь!

Мне надоела эта дребедень,
но всё же палец уберу с курка:
ну да, тоска, сплошной Сурковый день, –
но в тыщу раз тоскливей Ночь сурка!

«Стихи и астрономия –...»

Стихи и астрономия –
две бездны и одна,
по Канту, антиномия
или провал без дна.

Ныряю в эти хляби я
с горючим на нуле.
Секстант и астролябия
остались на Земле.

Но обогнув препятствия,
как Чёрную дыру,
играю, тунеедствуя,
я в бродскую игру.

Бренча заветной лирою,
настроив два стекла,
я бездны нивелирую,
сшиваю, как игла.

Осмеяну, освистану,
в ушибах от синкоп,
разглядываю истину
сквозь телемикроскоп.

Мне не хватает трения –
скольжу, как в гололёд,
с продуктами горения
рифмуя свой полёт.

Но сколько бы ни весила
вселенская зола,
распахиваю весело
две бездны – два крыла.

Со стороны

Я предпочёл бы наблюдать со стороны
и не решать, на чьей я нынче стороне.
Мне наплевать, что мы друг другу не равны
и что на пашне много дела бороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.